

РЕЦЕНЗИИ

Vita Sovietica: Неакадемический словарь-инвентарь советской цивилизации / Под ред. А. Лебедева. — М.: Август, 2012. — 296 с. ISBN 978-5-904065-05-8

Содержание словаря-инвентаря советской цивилизации заставляет вспомнить классификацию животных, приводимую в рассказе Хорхе Луиса Борхеса «Аналитический язык Джона Уилкинса» и по достоинству оцененную Мишелем Фуко. Напомню, животные в ней делятся а) на принадлежащих Императору; б) набальзамированных; в) прирученных; г) молочных свиней; д) сирен; е) сказочных; ж) отпущенных на свободу собак; з) включенных в данную классификацию; и) бегающих как сумасшедшие; к) бесчисленных; л) нарисованных очень тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти; м) всех прочих; н) только что разбивших кувшин; о) похожих издали на мух.

Представленный в книге цивилизационный инвентарь СССР включает в себя, в частности, авоську, стакан, Штирлица, пионерский лагерь, Бориса Гребенщикова, велосипед «Медвежонок», страх, Владимира Высоцкого, жвачку, Евтушенковознесенских, «Пепси», Хрущёва, очередь, советское значит шампанское, эмиграцию, пирог «Наполеон», дзэн, Ленина, подпольный рок, байдарки, Смоктуновского, джаз, Сталина, музон, Брежнева, позднесоветское викторианство, мыло «Махарани», а в целом 121 слово и понятие, 1151 примету времени, 139 цитат, 8 анекдотов и 33 примечания в алфавитном порядке. По большому счёту, все представленные в сборнике эссе — это примечания к опыту жизни в СССР. Большая часть авторов дистанцировалась от этой страны не только во времени, но и в пространстве, оказавшись в Париже и Праге, Атланте и Сан-Франциско. В значительной степени тексты сборника — это «письма из далека», хотя нынешнее ПМЖ несколько не мешает авторам бывать в России. Эссе, собранные под одну обложку Андреем Лебедевым, написаны писателями, журналистами, критиками, преподавателями университетов. Степень неприятия советского существенно различается у разных авторов сборника, что, однако, не делает его менее цельным. В текстах Александра Розеншторма, которому принадлежит и финальное эссе с отстранённым названием «Эта страна», советское — это хоррор, навевающий ассоциации с фильмом Алексея Балабанова «Груз – 200». Есть в сборнике и ностальгические тексты, посвящённые предметам быта, звукам и запахам. Но главными в словаре являются не слова и вещи, а чувства, мироощущение людей, часть жизни которых прошла до 1991 года. В предисловии составитель резонно отмечает, что «вольный, искренний

рассказ об эпохе подчас лучше передаёт её суть, чем десяток анемичных монографий». Примечательно, что многие участники проекта рассказывают о своём детско-подростковом видении странных реалий недоразвитого социализма. Но кому такого рода рассказы могут сейчас передать суть той эпохи?

Уже выросло поколение, которое не понимает фундаментальных оснований советской цивилизации ни без словаря, ни со словарём. Очевидно, что представители нового постсоветского поколения нуждаются в проводнике, в толковом словаре для понимания ключевых слов и стоящих за ними реалий не столь уж далёкого времени. Безусловно, наличие под рукой словарной статьи не позволит расшифровывать ОГПУ как Областное государственное полицейское управление, но для этого есть «Википедия». Знание значений аббревиатур не способно раскрыть смыслы, обнаружить ту самую суть ушедшего времени.

Как можно судить по изданным с обширными комментариями Юрия Щеглова романам Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок» и двум изданиям поэмы Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки» — в одном случае со справочным материалом Эдуарда Власова, а во втором с «Энциклопедией русского пьянства» авторства Алексея Плущер-Сарно, понять время, отдалённое от нас на сорок лет не легче, чем на восемьдесят. Слова уходят, меняется язык, исчезают коннотативные поля. Проникнуть в смыслы многих слов становится всё сложнее и сложнее. Конечно, посильную помощь в этом могут оказать «Толковый словарь языка Совдепии», «Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода» Марии Хевеши или книга «Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки» Натальи Лебиной, стремящиеся к объективности описания. Но не таков «Неакадемический словарь-инвентарь советской цивилизации». По своим формальным признакам он ближе к «маленькой энциклопедии реального социализма» — книге Бенедикта Сарнова «Наш советский новояз», к проекту Александра Левинтова «Небольшая Советская Энциклопедия», т.к. читателю предлагается не описание и осмысление советского опыта, а попытка (или попытки) его преодоления. В эссе «Вытеснение» Маргарита Меклина пишет об этом прямым текстом как о борьбе с воспоминаниями советского детства, упоминая, в частности, о том, что теперь готовит пищу, «следуя за тем, чтобы она не напоминала блюд советской эпохи». Беда позднего советского поколения, а авторы сборника относятся в большинстве своём именно к нему, в том, что память о советском стереть невозможно.

Если речь идёт о преодолении травмы советскости, избавлении от навязчивых образов прошлого, то метод эмоционального погружения в переживания не так давно минувших лет, возможно, вполне благотворен. Только вот понять экзистенциальные проблемы советского человека способен только тот, кто стоял в сырых от росы кедах на утренней линейке в

пионерлагере, кто переписывал диски на бобины, кто слушал подпольный рок и кто помнит запах мыла «Махарани»...

«Vita Sovietica» — это герметичный текст, понятный только «своим», обладающим определённым опытом советской жизни. Это книга, в которую могли бы войти сотни и тысячи текстов, созданных иными авторами. Частично написанное об СССР в лёгких жанрах уже издано, многое размещено в ЖЖ бывших советских людей, пытающихся разобраться с собой и страной, которую они потеряли. Безусловно, за пределами красного томика остались размышления, как изложенные менее талантливо и ярко, так и ничуть не уступающие эссе, попавшим в эту подборку. Возможно, в другой книге было бы больше ностальгии, чем в этой. А может быть, светлые и тёмные воспоминания о жизни в СССР были бы уравновешены. Всё зависело бы от составителя. Очевидно, что многим трудно писать об этой стране непредвзято, равнодушно, отстранённо.

Издание книги было приурочено к двадцатилетию распада Советского Союза. В эссе «СССР — опыт эпитафии» Михаил Эпштейн подобрал очень точные слова о присутствии советского в антисоветском человеке *пост-советского времени*.

«... страна эта теперь переселилась в меня. Обосновалась. Во мне живет. Напеваает вполголоса дивные песни. "По военной дороге... Только ветер гудит в проводах... Где закаты в дыму..." Из меня эта страна разговаривает. Я с ее, советским акцентом, произношу американские слова. Ее, советскими торопливыми и неточными жестами, я трогаю американские вещи. С ее, советским недоверчивым прищуром, я озираюсь в американских универмагах. С ее, советской беззаботностью, я ничего не понимаю в американской банковской системе. С ее, советской щепетильностью, я стараюсь подчеркнуть и обосновать свое особое мнение, хотя никто вокруг его не оспаривает. С ее, советской настороженностью, я отношусь к льготам и привилегиям за цвет кожи, хотя совестливые американцы считают, что по отношению к обиженным расам это справедливо. Раньше как было просто! Эта страна существовала отдельно от меня, страшная, могучая, и всеми силами я старался не быть советским, быть кем угодно — другим: русским, евреем, американцем. Теперь, когда она исчезла с лица земли, я чувствую ее в себе. Я похоронил в ней часть себя, чтобы другой частью она воскресла во мне. И теперь никто уже не живет в советской стране — зато она живет в нас, своих вечных питомцах и посланниках. И особенно в тех, кто из нее уехал».

Примечательно, что эссе написано в декабре того самого 1991 года, когда советская цивилизация ушла в историю.

М. Ю. Тимофеев